

The background of the cover is a vibrant illustration of a mountain town at night. The sky is a deep, glowing blue, filled with the shimmering, vertical streaks of an aurora borealis. Below the sky, dark, snow-covered mountains rise up. In the foreground, a cluster of small, dark wooden houses with glowing yellow windows and doors is nestled on a hillside. A larger, brightly lit building is visible in the middle ground, and a body of water reflects the light from the town and the sky. The overall mood is mysterious and atmospheric.

ДЖЕК
ФИННЕЙ

ПОХИТИТЕЛИ
ТЕЛ

Джек Финней
Похитители тел
Серия «Вселенная Стивена Кинга»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=150307
Джек Финней. Похитители тел: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-119990-6

Аннотация

«Похитители тел» – знаменитая книга, оказавшая влияние на творчество многих писателей и кинематографистов. Тема вторжения недружественного разума из иных миров всегда волновала людей, и в литературе представлена очень щедро: «Кукушата Мидвича» Джона Уиндема, «Кукловоды» Роберта Хайнлайна, «Томминокеры» Стивена Кинга... Последний даже посвятил этому роману целую главу в своем, повествующем о развитии англо-американского хоррора, сборнике «Пляска смерти».

Однако в романе Финнея было что-то особенное, что-то такое, что подвигло голливудских кинематографистов к экранизации – и, начиная с 1956 года, экранизации эти продолжают до сих пор, причем с каждым новым фильмом сюжет приобретает все более мрачные, сюрреалистические краски.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	22
Глава четвертая	31
Глава пятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Джек Финней

Похитители тел

Jack Finney

THE BODY SNATCHERS

Печатается с разрешения литературных агентств Don Congdon и Andrew Nurnberg.

© Jack Finney, 1955

© Перевод. Н. Виленская, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава первая

Предупреждаю: в этой истории не все концы сходятся и не на все вопросы найдется ответ. В финале не всё разрешится и получит объяснение – я, во всяком случае, объяснений дать не смогу. Я сам толком не понимаю, что и почему произошло, как это началось, чем кончилось и кончилось ли вообще, а я ведь находился в самой гуще событий. Если вас это не устраивает, примите мои извинения и не читайте дальше. Я могу лишь рассказать то, что знаю.

Лично для меня это началось в четверг 28 октября 1976 года, в шесть часов вечера. Я только что проводил последнего пациента с растяжением связок большого пальца, но чувствовал, что мой день еще не окончен. Докторское чутье, к сожалению, меня редко обманывает. Съездив на пару дней в отпуск, я вернулся аккурат к эпидемии кори. Падал в постель, валясь с ног от усталости и зная, что через пару часов придется ехать на вызов. Что поделаешь: я все еще посещаю больных на дому, как и многие другие врачи.

Сделав запись в медицинской карте, я смешал себе лечебный бренди с водой, чего почти никогда не делаю. Стоял у окна, смотрел на Трокмортон-стрит и пил понемножку. Днем я так и не пообедал из-за срочного удаления аппендикса, пребывал в раздражительном настроении и жалел, что у меня нет никаких приятных планов на вечер.

Когда я услышал легкий стук в дверь приемной, мне захотелось замереть и переждать, пока кому-то не надоест. В любом бизнесе, кроме моего, это обычная практика. Моя медсестра ушла вместе с пациентом, не иначе одержав над ним чистую победу в спуске по лестнице, поэтому я постоял еще пару секунд, глядя на улицу и притворяясь, что открывать не стану. Еще не стемнело, но смеркалось, зажглись фонари, на Трокмортон-стрит было пусто – в шесть все обычно ужинают. Из-за всего этого меня одолевали одиночество и депрессия.

Стук, затихший было, возобновился. Я поставил стакан, пошел открывать и разинул рот, увидев перед собой Бекки Дрисколл.

– Привет, Майлс, – улыbnулась она, радуясь моему приятному удивлению.

– Бекки, вот здорово, – пробормотал я, посторонившись. – Входи же! Нужна врачебная помощь? – Я сразу воспрял духом и сыпал блестящими юмора. – На этой неделе мы специализируемся по аппендиксам, советую воспользоваться. – Фигура у Бекки великолепная – и скелет, и ткани в полном порядке. Некоторые женщины говорят, что у нее бедра широковаты, но от мужчин я такого не слышал.

– Нет, – Бекки прошла к столу и повернулась ко мне лицом, – не совсем врачебная.

Я поднял свой стакан.

– Всем известно, что я пью с утра до вечера, особенно в

операционные дни. И больным тоже наливаю – ты как?

Тут я чуть не выронил бренди, потому что Бекки вместо ответа всхлипнула. Глаза у нее налились слезами, она опять отвернулась, сторбилась, закрыла руками лицо и выговорила:

– Мне бы не помешало.

– Ты присядь, – осторожно предложил я. Бекки плюхнулась в кожаное кресло для пациентов, а я, стараясь не топиться, смешал в умывальной еще порцию и поставил на стекло перед ней.

Потом сел на свой крутящийся стул, кивнул ей и отпил глоток – надо же дать девушке время прийти в себя. Только теперь я ее рассмотрел как следует: тот же идеальный костяк лица, те же красивые полные губы, и глаза все такие же добрые и умные, хотя и заплаканные. Темно-каштановые, почти черные волосы все такие же густые, но вроде бы стали короче и выются естественными такими волнами – раньше вроде бы не вились. Ей уже, конечно, не восемнадцать, а хорошо за двадцать, но это все та же девочка, с которой я пару раз ходил на свидание в старших классах.

– Как же я рад, что снова вижу тебя, – сказал я, чтобы не сразу переходить к тому, что так ее огорчило.

– И я рада, Майлс. – Бекки глубоко вздохнула, взяла стакан и устроилась поудобнее, одобряя мое намерение начать со светской беседы. – Помнишь, как ты зашел за мной на вечеринку и у тебя была надпись на лбу?

Я помнил, однако вопросительно вскинул брови.

– «М. Б. плюс Б. Д». Красными чернилами или помадой.

Ты сказал, что весь вечер будешь ходить с ней, еле заставила смыть.

– Ага, теперь вспомнил, – хмыкнул я и вспомнил еще кое-что. – Слышал, ты развелась – сожалею.

– Спасибо, Майлс. И мои сожаления прими по тому же поводу.

– Выходит, мы теперь одного поля ягоды.

– Да, – сказала она и перешла к делу. – Я к тебе насчет Вилмы, Майлс. – Вилма – ее кузина.

– А в чем проблема?

– Даже не знаю. – Бекки посмотрела в стакан, потом на меня. – У нее... – Она колебалась – людям не нравится давать четкие определения подобным вещам. – По-моему, это просто бред. Ты знаешь нашего дядю Айру?

– Знаю.

– Так вот, она вбила себе в голову, что это не дядя.

– В смысле, что в самом деле они не родственники?

– Да нет же. – Бетти нетерпеливо вздернула плечико. – Она думает, что он... самозванец, что ли. Что он просто выглядит, как Айра.

Я ничего не понимал: Вилму вырастили как раз дядя с тетей.

– А как она это объясняет?

– Да никак. Говорит, он выглядит и ведет себя точно как

Айра, но она знает, что это не он. Я просто сама не своя от всего этого, Майлс! – У Бекки снова брызнули слезы.

– Ты пей, это помогает. – Я показал на ее стакан, отхлебнул из своего и задумался. У Вилмы свои проблемы, как и у всех, но женщина она здравомыслящая. Лет тридцати пяти, краснощекая, маленькая и пухлая, совсем не красотка. Замуж не вышла, так уж сложилось, хотя могла бы, по-моему, стать отменной женой и матерью. Платная библиотека и магазин открыток обеспечивают ей заработок, что не так-то просто в маленьком городке. Жизнь не ожесточила ее: Вилма – веселый циник, знающий, что почем, и не дающий себя одурачить. Мне не верилось, что ее психика вдруг дала сбой, – впрочем, все может быть.

– Чего же ты ждешь от меня? – спросил я.

Бекки наклонилась ко мне через стол.

– Давай ходим к ним, Майлс. Прямо сейчас, пока не стемнело. Взгляни на Айру, поговори с ним – ты ведь много лет его знаешь.

Я поставил поднесенный было ко рту стакан.

– С какой стати, Бекки? Ты тоже думаешь, что это не Айра?

– Нет, конечно, но... – Она потрясла головой. – Я не знаю, Майлс, просто не знаю. Это, конечно, дядя Айра, но Вилма говорит так уверенно! – Она по-настоящему заломила руки – обычно о таком жесте только в книгах читаешь. – Я не знаю, что у них там происходит!

– Ладно, пойдем. Успокойся, Бекки. – Я обошел вокруг стола, положил руку ей на плечо. Оно было плотным, круглым и теплым под тонкой тканью, и я быстро убрал ладонь. – Посмотрим, в чем там дело, и разберемся.

Я взял из стенного шкафа пиджак, который висел, как всегда, на Фреде. Фред – это учебный скелет; я держу его в шкафу вместе с еще одним, женским. Не выставлять же их на всеобщее обозрение, чтобы больных отпугивали. Отец подарил мне их обоих на Рождество, в мой первый медицинский семестр. Полезный подарок для студента-медика, но отец, по-моему, польстился исключительно на коробку шести футов длиной, перевязанную зеленой и красной лентами, – не знаю, где он нашел такую огромную. Теперь оба стоят в шкафу, и я всегда вешаю пиджак на костлявые плечи Фреда. Медсестру это смешит до чертиков – вот, даже Бекки улыбнулась слегка.

– Только и делаю, что дурака валяю. Скоро ко мне даже за рецептом аспирина перестанут ходить. – Я сообщил в телефонную службу, куда иду, и мы пошли взглянуть на дядю Айру.

Для знакомства: мое полное имя Майлс Бойз Беннел, мне двадцать восемь. Около года практикую в Милл-Вэлли, Калифорния. Закончил Стэнфордский медицинский колледж, прошел интернатуру. Родился и вырос в том же Милл-Вэлли, где до меня практиковал мой отец. Он был хорошим доктором, так что недостатка в пациентах я не испытываю.

Мой рост пять футов одиннадцать дюймов, вес один стоун шестьдесят пять футов, глаза голубые, волосы черные, как бы волнистые, довольно густые, но на макушке намечается плешь – это у нас семейное и меня не волнует. Против этого медицина бессильна, хотя ученые могли бы, казалось, что-то изобрести. Играю в теннис когда удастся, поддерживая тем свой загар. Пять месяцев назад я развелся и теперь живу один в большом старомодном каркасном доме, где много высоких деревьев и большая лужайка. Раньше это был родительский дом, теперь мой. Вот, пожалуй, и всё. Имею «мерседес» выпуска 1973 года, красный, как пожарная машина; я купил его подержанным, чтобы не разрушать иллюзию о несметном богатстве всех докторов.

В пригороде Строберри, сразу за городской чертой, мы повернули на длинную, извилистую Рикардо-роуд. Дядя Айра стоял на лужайке перед домом и улыбался нам.

– Добрый вечер, Бекки. Привет, Майлс.

Мы помахали в ответ и вышли. Бетти направилась по дорожке к дому, я шел следом небрежно, руки в карманах.

– Добрый вечер, мистер Ленц.

– Как дела, Майлс? Много народу уморил за день? – Он ухмылялся так, будто эту шутку раньше никто не слышал.

– В пределах нормы. – Наш обычный диалог, когда мы встречаемся в городе.

Он стоял футах в двух от меня. Погода стояла ясная, око-

ло шестидесяти пяти градусов¹, дневной свет еще держался, и я мог хорошо его рассмотреть. Не знаю, что я ожидал увидеть, но это был, конечно же, дядя Айра, тот самый мистер Ленц, которого я знал с детства, кому каждый день приносил в банк вечернюю газету. Он был тогда главным кассиром и всегда уговаривал меня поместить в банк мои громадные доходы от доставки газет. Теперь, пятнадцать лет спустя, он вышел на пенсию, но нисколько не изменился, разве что поседел. Он большой, выше шести футов; немного шаркает при ходьбе, но в целом энергичный, остроглазый, приятный старик. На лужайке ранним вечером стоял он, и никто другой, и я немного испугался за Вилму.

Пока мы болтали о местной политике, погоде и бизнесе, я пристально всматривался в его лицо и вслушивался в голос, засекая нюансы. Но две вещи одновременно делать затруднительно, и он это заметил.

– Что это с тобой, Майлс? Ты сегодня какой-то рассеянный.

Я с улыбкой пожал плечами.

– Беру работу на дом, наверно.

– Ты это брось, парень. Взять хоть меня: я забывал про банк, как только надевал шляпу и уходил оттуда. В президенты таким манером, конечно, не выбьешься, но президент помер, а я вот живу.

Черт. Это был дядя Айра до последней морщинки, жеста и

---

¹ 18 °С.

мысли. Я почувствовал себя дураком. Бекки с Вилмой, выйдя на веранду, устроились на диване-качалке, и я пошел к ним.

Глава вторая

– Хорошо, что ты пришел, Майлс, – тихо сказала мне Вилма.

– Привет, Вилма, рад тебя видеть. – Я уселся на широкие перила к ним лицом, прислонившись к столбику.

Она перевела взгляд на бродящего по лужайке дядю.

– Ну, что скажешь?

– Это он, Вилма. Твой дядя.

Она кивнула, будто ничего другого не ожидала, и произнесла тихо:

– Это не он. – Вилма не спорила, а констатировала факт.

– Ладно, – сказал я, – давай по порядку. Тебе, в конце концов, лучше знать, ты давно живешь в одном доме с ним. Откуда ты взяла, что это не дядя Айра? В чем разница?

– Не он это, вот и всё! – Вилма чуть ли не на визг сорвалась, но тут же успокоилась и наклонилась ко мне: – Глазами это нельзя увидеть. Я надеялась на тебя, но ты ничего не заметил, потому что и замечать нечего. Посмотри на него.

Дядя Айра слонялся по лужайке, пиная камешек.

– У него всё в точности как у Айры, до мелочей. – На лице Вилмы, все таком же румяном и круглом, пролегли тревожные складки. – Я все ждала, когда он стричься пойдет, и наконец дождалась. – Она подалась еще ближе ко мне и свистящим шепотом сообщила: – У него на затылке малень-

кий шрам. Когда-то там был нарыв, и твой отец его вскрыл. Когда волосы отрастают, шрама не видно. Так вот, сегодня он наконец подстригся...

– И что? – Ее волнение невольно передалось мне. – Шрама нет?

– Да нет же! На месте он! В точности как у Айры!

Я опустил глаза, не смея взглянуть на Бекки и на бедную Вилму. Потом все-таки взглянул и сказал:

– Значит, это и есть дядя Айра, Вилма. Что бы тебе ни казалось...

– Это не он, – упрямо повторила она.

Я не знал, что еще сказать.

– А где твоя тетя Аледа?

– Наверху. Смотри только, чтобы *он* не услышал.

Я прикусил губу, стараясь мыслить логически.

– Как насчет его привычек? Повседневной рутины?

– Всё как у Айры.

Признаться, я на миг потерял терпение.

– Так в чем разница-то? Если ее нет, то с чего ты... – Тут я взял себя в руки и попытался быть конструктивным. – Ну, а с памятью как? Должны ведь быть какие-то мелочи, которые только вы с ним помните?

Вилма, отталкиваясь от пола, раскачивалась и смотрела на Айру. Тот теперь стоял под деревом, глядя вверх, – будто прикидывал, не пора ли подрезать ветки.

– Я и это пробовала. Говорила с ним о своем детстве. –

Вилма вздохнула, не надеясь больше, что я пойму. – Как-то раз он взял меня в хозяйственный магазин. Там на прилавке стояла маленькая дверка – реклама нового замка, что ли. Как настоящая, с петлями, с ручкой, даже с медным молоточком. Я, конечно, захотела ее и устроила скандал, когда нам ее не продали. Он всё это помнит. Что я сказала, что он сказал, что сказал продавец. Даже название магазина, которого давно уже нет. Он помнит даже то, что забыла я, – например, как забирал меня в субботу с дневного сеанса и мы видели похожее на кролика облако. Всё он помнит, как помнил бы дядя Айра.

Я врач общей практики, не психиатр. Что дальше-то делать? Я помолчал, слушая, как поскрипывает качалка, и попытался еще раз. Говорил спокойно и убедительно, но не как с ребенком, напоминая себе, что мозги у Вилмы, не считая этого заскока, в полном порядке.

– Вилма, я целиком на твоей стороне. Моя работа – разбираться с проблемами пациентов. Ты не хуже меня знаешь, что твою проблему надо решать, и я найду способ тебе помочь. Слушай меня внимательно. Я не жду, что ты так сразу согласишься, что ошибалась, что это все-таки дядя Айра и ты не знаешь, что на тебя нашло. Ты не можешь как по заказу перестать думать, что он не твой дядя, но я хочу, чтобы ты осознала, что это именно Айра и что проблема в тебе самой. Невозможно, чтобы два человека были идентичны во всем, что бы там ни писали в книгах и не показывали в кино. Даже

одноййцевых близнецов в семьях всегда различают. Никто бы не смог долго притворяться дядей Айрой так, чтобы ты, Бекки и даже я не засекали миллион отличий. Обдумай это, Вилма, и ты поймешь, что проблема в тебе – а после мы обсудим, как с этим быть.

Высказав все это, я опять прислонился к столбику и стал ждать.

Вилма, продолжая раскачиваться и смотреть вдаль, поразмыслила, поджала губы и отрицательно потрясла головой.

– А тетя Аледа как же? – вскипел я. – Ее ведь не проведешь! Она-то что думает? Ты хоть с ней говорила?

Вилма снова покачала головой, избегая моего взгляда.

– Почему?

Она на миг посмотрела мне в глаза, и по ее пухлым щекам вдруг потекли слезы.

– Потому что она тоже не тетя Аледа, Майлс! – Ее лицо исказилось от ужаса, и она прокричала (шепотом, если такое возможно): – Господи, Майлс! Я что, с ума схожу? Скажи, не щади меня. Я должна знать!

Бекки, преисполненная сочувствия, стиснула ее руку.

Я улыбнулся, делая вид, что знаю, о чем говорю.

– Нет. Не сходишь, – сказал я твердо и накрыл ладонью другую ее руку, вцепившуюся в подлокотник качалки. – Сойти с ума не так просто, как тебе кажется, даже и в наши дни.

– Если человек думает, что он спятил, то с ним все нормально. Так всегда говорят, – добавила Бекки.

– В этом есть смысл, – подтвердил я, зная, что смысла тут никакого. – Но для того, чтобы пойти к психиатру, не обязательно сходить с ума, Вилма. Теперь это не зазорно, и многие обращаются...

– Вы не понимаете, – глухо сказала она и высвободилась, благодарно пожав руку Бекки. Она больше не плакала и говорила спокойно. – Он выглядит, говорит и ведет себя точно как Айра, но это только видимость. Внутри он другой. У него... неправильные эмоции, если это о чем-то говорит тебе, Майлс. Да, он всё помнит, и улыбается, и говорит: «Ты была славная девчушка, Вилли, и умненькая», но чего-то все-таки не хватает. И с тетей Аледой в последнее время стало происходить то же самое. – Вилма вновь устремила напряженный взгляд в пространство. – Айра с раннего детства заменял мне отца, Майлс. Когда он вспоминал о том времени, у него в глазах всегда появлялось особенное, умиленное выражение. Теперь оно пропало, и я точно знаю, что *этот* дядя Айра, или кто он там такой, всего лишь прокручивает текст. У него в памяти записаны все воспоминания прежнего дяди Айры, но эмоции отсутствуют напрочь. Он просто имитирует их. Слова, жесты, интонации прежние, но чувства за ними нет. – Голос Вилмы стал твердым и властным. – Сколько бы мне ни говорили, что это невозможно, я знаю одно: это не мой дядя Айра.

Понимая, что больше добавить нечего, Вилма встала и сказала с улыбкой:

– Закончим на этом, не то он задумается.

– О чем задумается? – спросил я в полной растерянности.

– Не возникло ли у меня подозрений. – Она подала мне руку. – Ты помог мне, Майлс, сам не сознавая того. Не волнуйся за меня, и ты тоже, Бекки. Вы же знаете, я крепкий орешек. Всё у меня будет в порядке. Ты хочешь, чтобы я пошла к психиатру, Майлс, – что ж, я схожу.

Я сказал, что запишу ее к лучшему известному мне специалисту, доктору Манфреду Кауфману из Сан-Рафаэля, и утром ей позвоню. К этому прилагался всегдашний совет расслабиться и постараться не беспокоиться. Вилма улыбалась и касалась ладонью моего рукава – так делают все женщины, когда мужчины не оправдывают их ожиданий. Она поблагодарила Бекки за то, что пришла, сказала, что собирается лечь пораньше, и мы с Бекки пошли к машине.

– Доброй ночи, мистер Ленц, – сказал я, проходя мимо дяди Айры.

– Доброй, Майлс, заходи почаще. – Бекки он послал ухмылку, а мне сказал, чуть ли не подмигнув при этом: – Хорошо, что Бекки вернулась к нам, правда?

– Да, замечательно.

В машине я спросил Бекки, не хочет ли она поужинать где-нибудь, и не удивился, когда она попросила отвезти ее сразу домой.

Жила она в трех кварталах от меня, в большом белом старомодном каркасном доме, где появились на свет и она, и ее

отец.

– Как ты думаешь, она правда будет в порядке? – спросила Бекки, когда я затормозил у обочины.

Я пожал плечами.

– Как сказать. Я хоть и врач, согласно диплому, но не знаю толком, что с ней не так. Мог бы много чего на психжаргоне наговорить, но это не моя тема, а Мэнни Кауфмана.

– По-твоему, он сможет помочь ей?

Всякой правдивости есть предел.

– Да, – сказал я, – если кто и сможет, так это Мэнни.

Проводив Бекки до двери, я вдруг совершенно непредумышленно спросил:

– Увидимся завтра вечером?

Она кивнула рассеянно, не переставая думать о Вилме, и ответила:

– Давай. Часов в восемь?

– Ладно, я заеду. – Как будто в наших отношениях и не было многолетнего перерыва; идя обратно к машине, я осознал, что жизнь впервые за долгое время вновь улыбнулась мне.

Я рискую показаться вам бессердечным. Мне, вероятно, тоже следовало думать о Вилме, но доктор быстро приучается не тревожиться за пациентов слишком активно и отгонять эту тревогу на задворки сознания. В коллежде этому не учат, но для врача это не менее важно, чем стетоскоп. Потеряв пациента, ты возвращаешься к себе в кабинет и уделяя

ешь полное внимание засоренному глазу. Не можешь – бросай медицину или приобретай узкую специализацию.

Ужиная у Дэйва за маленьким боковым столиком, я заметил, что посетителей в ресторане почему-то немного. Потом приехал домой, надел пижамные штаны, завалился в постель и стал читать детектив в бумажной обложке, надеясь, что телефонных вызовов не последует.

Глава третья

На следующее утро меня уже ждала одна пациентка. Маленькая тихая женщина лет сорока с лишним села в кожаное кресло для больных, примостив сумочку на коленях, и сказала с полной уверенностью, что ее муж – вовсе не ее муж. Совершенно спокойно она объяснила, что он выглядит, говорит и ведет себя точно как муж – а женаты они восемнадцать лет, – но это просто не он. История Вилмы повторялась во всем, за исключением каких-то деталей; я и ее записал к Мэнни Кауфману.

Короче говоря, к следующей среде, когда в Окружной Маринской больнице проводится собрание врачебного персонала, я отправил к Мэнни еще пять пациентов. Один, здравомыслящий молодой адвокат, довольно хорошо мне знакомый, был убежден, что замужняя сестра, у которой он живет, совсем не сестра, хотя ее муж ничего такого не замечал. Матери трех старшекласниц в слезах поведали, что их девочки полагают, будто их учитель английского – самозванец, выдающий себя за учителя, и подвергаются за это насмешкам. Бабушка привела девятилетнего внука, живущего теперь у нее: мальчик впадал в истерику при виде матери и заявлял, что это не мама.

Мэнни Кауфман в кои веки приехал на собрание загодя и поджидал меня. Когда я запарковался на больничной стоян-

ке, меня окликнули из другой машины. Подойдя, я увидел на переднем сиденье Мэнни и дока Кармайкла, другого психиатра из округа Марин, а на заднем Эда Перси, моего конкурента. Мэнни открыл свою дверь и сидел боком, уперев локти в колени. Он брюнет, красивый такой и нервный, на интеллигентного футболиста похож. Кармайкл и Перси постарше и посолиднее – сразу видно, что доктора.

– Какого черта творится у вас в Милл-Вэлли? – Задавая этот вопрос, Мэнни покосился на Эда Перси – к тому тоже обращались, как видно.

– Новое хобби, думаю, появилось. – Я оперся на открытую дверь. – Вроде бега трусцой.

– Первый заразный невроз, с которым я сталкиваюсь. – Мэнни посмеивался и злился одновременно. – Эпидемического масштаба. Ты нам так весь бизнес загубишь: мы в полных непонятках, что с ними делать – правильно, Чарли? – Он оглянулся на сидевшего за рулем Кармайкла. Тот слегка нахмурился (он патриарх местной психиатрии, а Мэнни – мозг) и сдержанно вымолвил:

– Да, серия весьма необычная.

– Ну что ж, – сказал я. – Психиатрия, как известно, отсталая падчерица медицины, пребывающая пока что в младенчестве, потому вы и не...

– Кончай острить, Майлс, я с ними в тупик уперся. – Мэнни смотрел на меня испытующе, прищулив один глаз. – Знаешь, что я сказал бы, не будь это совершенно исключено?

Возьмем, к примеру, Ленц: я сказал бы, что это вовсе не бред. Все признаки указывают на то, что невроза, по крайней мере в этом отношении, у нее нет. Я сказал бы, что это не мой случай, что ее опасения абсолютно реальны и ее дядя в самом деле не дядя – вот только это исключено. Исключено также, чтобы у девяти человек из Милл-Вэлли внезапно проявился совершенно одинаковый бред, – верно, Чарли?

Кармайкл промолчал. После общей паузы Эд Перси вздохнул и сказал:

– Ко мне сегодня явился еще один. Многолетний мой пациент, мужчина под пятьдесят. У него есть дочь двадцати пяти лет, которая вдруг перестала быть его дочерью. К кому из вас направить, ребята?

– Не знаю, – ответил Мэнни после очередной паузы. – Как хочешь. От меня толку будет не больше, чем с остальными – может, Чарли настроен оптимистичней.

– Присылай, – сказал Кармайкл, – сделаю что смогу. Мэнни, однако, прав: бред нетипичный.

– Бред или что-то другое, – добавил Мэнни.

– Может, кровопускание попробовать? – предложил я.

– Почему бы и нет, – сказал Мэнни.

На собрании было весело, как всегда. Мы прослушали занудный доклад университетского профессора – я бы лучше провел время с Бекки или хоть телик посмотрел дома. После мы с Мэнни еще немного поговорили, но особо сказать было нечего.

– Будь на связи, Майлс, ладно? – попросил он под конец. –
Надо же разобраться в этом.

Я пообещал, что буду, и поехал домой. С Бекки я на прошлой неделе встречался через день, но не потому, что между нами что-то завязывалось. Все лучше, чем ошиваться в бильярдной, раскладывать пасьянс или собирать марки. Меня вполне устраивало наше приятное, без напрягов общение. На следующий вечер мы решили пойти в кино. Я сообщил дежурной телефонистке Мод Крайтс, что иду в «Секвойю» на Корте-Мадера, добавил, что отныне буду заниматься исключительно абортами, и пригласил ее стать первой пациенткой. Она похихикала.

– Классно выглядишь, – сказал я Бекки, пока мы шли к машине. Чистая правда, между прочим: на ней был серый костюм с серебристым цветочным рисунком на плече.

– Спасибо. – Она села в машину с довольной, ленивой улыбкой. – Мне так хорошо с тобой, Майлс, – легче, чем с кем бы то ни было. Потому, наверно, что мы оба в разводе.

Я кивнул и включил зажигание, хорошо ее понимая. Свобода – это прекрасно, но прекращение отношений, которые задумывались как постоянные, выводит тебя из равновесия и подрывает твою уверенность. Мне повезло встретить Бекки. Пройдя через те же испытания, мы могли общаться спокойно, без волнений и запросов, всегда возникающих между мужчиной и женщиной. С любой другой все шло бы к неизбежной развязке – браку, роману или разрыву, а Бекки как

раз то, что доктор прописал в такой вот погожий осенний вечер.

– Просто скажите Джерри, док. – Слова кассирши в кино означали, что она уведомит меня о возможном вызове, если я скажу администратору, какие у нас места. Мы купили попкорн, вошли в зал и сели.

Фильм удалось посмотреть до середины. Мне сдается, я видел больше половинок фильмов, чем кто-либо из живых, и память моя забита как неоконченными, так и безначальными сюжетами. Увидев, как Джерри Монтизамберт, администратор, делает мне знаки из прохода, я тихо выругался: фильм, как назло, был хороший, «Меж двух времен»² – про парня, который перемещается во времени. Пришлось пробираться к выходу мимо полусотни человек, у каждого из которых было по три коленки.

В фойе из-за киоска с попкорном вышел Джек Белайсек.

– Извини, что не дал досмотреть, Майлс. – Взгляд, устремленный на Бекки, давал понять, что извинения и ей адресованы.

– Пустяки, Джек. Что у тебя случилось?

Вместо ответа он вышел на улицу. Я понял, что он не хочет ничего говорить в фойе, и мы последовали за ним.

– В общем, это не срочно, – сказал он у ярко освещенных афиш. – В смысле, это даже и не болезнь. Я просто хотел,

---

² Так называется роман Дж. Финнея, вышедший в 1970 году. Фильм по нему Р. Редфорд так и не снял.

чтобы ты взглянул.

Мне нравится Джек. Он писатель, и хороший, по-моему, — я читал одну его книжку, — но сейчас я немного на него обозлился. Вечная история: весь день люди думают, звать им доктора или нет — дело вроде бы терпит, — а вечером почему-то решают, что лучше все-таки вызвать.

— Если не срочно, Джек, почему бы не подождать до утра? Тем более что я не один — вы, кстати, знакомы?

— Да, — улыбнулась Бекки.

— Конечно, — подтвердил Джек. — Я знаю и Бекки, и ее папу. — Он пораздумал и предложил: — Давайте возьмем и ее, если она не против. Пожалуй, так даже лучше, жене спокойнее будет. Не знаю, понравится ли Бекки то, что она увидит, но это точно интересней, чем ваше кино, гарантирую.

Бекки кивнула в знак согласия, и я больше не стал ни о чем спрашивать, зная, что Джек далеко не дурак. Сказал только:

— Ладно. Поедем в моей машине и поговорим по дороге. Потом я тебя подброшу обратно, и ты заберешь свою.

Мы втиснулись на переднее сиденье втроем и поехали к Джеку за город. Он так и не сказал ничего по каким-то своим причинам. Ему лет сорок, у него тонкое подвижное лицо и преждевременно поседевшие волосы. Умный, рассудительный человек. Я это знаю, потому что несколько месяцев назад он меня вызвал к своей жене. У нее внезапно подскочила температура в сочетании с крайней слабостью, и я,

порядком напуганный, диагностировал пятнистую лихорадку Скалистых гор. Можно очень долго практиковать в Калифорнии, так никогда и не столкнувшись с этой болезнью, – я понять не мог, где больная могла ее подцепить. От нее я и назначил лечение, честно сказав Джеку, что это мой первый случай такого рода, – если ему требуется мнение другого врача, то пожалуйста. При этом я добавил, что крепко уверен в своем диагнозе и что любое сомнение в нем может привести к нехорошим последствиям. Джек выслушал, задал пару вопросов, подумал и предоставил мне лечить его жену, как я сочту нужным. Месяц спустя она уже печенье пекла, Джек мне привез его в офис. Я уважаю людей, умеющих принимать непростые решения, и ждал, когда он заговорит сам.

За черно-белым знаком границы города он наконец подал голос:

– Наш проселок налево, если забыл. Зеленый дом на холме.

Я кивнул и стал подниматься в гору.

– Остановись на минутку, ладно? Хочу кое о чем спросить.

Я притормозил на краю дороги, не выключая двигатель.

– Врач ведь обязан сообщать о некоторых вещах, верно?

Не столько вопрос, сколько утверждение. Я кивнул.

– Об инфекционных болезнях, – продолжал он, – об огнестрельных ранах, о трупах. Это обязательно, Майлс? – Он отвел взгляд. – Есть ведь случаи, когда врач может нарушить

правила?

– Это зависит, – пожал плечами я.

– От чего, например?

– От врача, вероятно. И от конкретного случая. В чем дело-то, Джек?

– Не скажу пока, сначала ответь. – Он снова посмотрел на меня. – Допустим, это огнестрел, а ты о нем не заявишь. Зная, что у тебя будут неприятности, если об этом узнают, – могут даже лицензию отобрать. Можешь представить себе обстоятельства, в которых ты, рискуя своей репутацией, а то и лицензией, нарушишь врачебную этику и не заявишь властям?

Я снова пожал плечами.

– Не знаю, Джек. Может, и есть такая ситуация, в которой я бы согласился пойти на это. – Эта таинственность начинала порядком меня раздражать. – К чему ты, собственно, клонишь? Никаких обещаний давать не стану, учти. Если в вашем доме есть нечто, о чем я обязан сообщить, то, скорее всего, сообщу, вот и все.

– Этого хватит, – улыбнулся он. – Верю, что ты решишь правильно. Поехали дальше.

Я снова тронулся и увидел при свете фар женщину в фартуке – она шла нам навстречу, обхватив себя руками: вечера здесь холодные. Теодора, жена Джека.

Я остановился, подъехав к ней.

– Здравствуй, Майлс, – сказала она и заглянула в открытое

окно. – Не могу сидеть там одна, Джек. Извини.

– Надо было взять тебя с собой, – кивнул он. – Я сглупил, что не взял.

Я открыл Теодоре заднюю дверь, Джек познакомил ее с Бекки, и мы поехали к дому.

Глава четвертая

Зеленый каркасный дом Джека стоит на склоне холма. Встроенный в фундамент гараж был открыт. Джек попросил меня заехать туда, включил свет, закрыл двери и провел нас в смежное помещение. Подвал был как подвал: древнее корыто для стирки, стиральная машина, лошадка-качалка, кисты газет, банки из-под краски, штабель картонных коробок. Джек прошел к другой двери и задержался, взявшись за ручку. Я знал, что у него там хороший, хотя и не новый бильярд; он говорил, что часто гоняет шары в одиночестве, – это помогает ему сочинять.

– Приготовьтесь, – сказал он Бекки, посмотрел на жену, открыл дверь и зажег свет.

Лампы в бильярдных всегда яркие и висят низко, чтобы не светить в глаза игрокам. Эта, под четырехугольным абажуром, освещала только стол, оставляя в тени всю комнату. Бекки ахнула в полумраке: на зеленом столе под лампой в 150 ватт лежало что-то, прикрытое прорезиненным чехлом, – определенно труп.

– Вперед, – сказал мне Джек. – Сними чехол.

Раздраженный и напуганный – писатель явно пересолил с загадками, – я сдернул тяжелую ткань. На зеленом сукне лежало обнаженное тело. Мужчина, пять футов десять дюймов примерно – рост лежащего человека определить не так

просто. Белый, очень бледный при ярком свете. Это выглядело постановочно и в то же время реально до ужаса. Вес небольшой, около 140 фунтов, но упитанность в норме и мускулатура хорошо развита. Возраст определить опять-таки трудно – во всяком случае, не старик. При виде его голубых, очень ясных глаз, глядящих прямо на мощную лампу, мои собственные глаза заслезвились. Ни ран, ни других очевидных причин смерти. Я обнял Бекки за плечи и сказал Джеку:

– Ну-с?

– Посмотри как следует, – невозмутимо ответил он. – Ничего странного не заметил?

Мое раздражение усилилось. В этом мертвце действительно было что-то странное, но я не мог понять, что, и сильно из-за этого злился.

– Брось, Джек. Я вижу, что он мертвый, ничего больше. Кончай туман нагонять, говори, в чем дело.

– Пожалуйста, Майлс, не сердись. Я просто не хочу влиять на тебя и навязывать свои впечатления. Если я прав, то хочу, чтобы ты это сам увидел, а если мне примерещилось, то так и скажи. Присмотрись к нему хорошенько.

Я медленно обошел вокруг стола, рассматривая покойника под разным углом. Остальные посторонились, уступив мне дорогу.

– Ладно, – примирительно сказал я в итоге, – тебе не мерещится, Джек. А если мерещится, то и мне видится то же самое. Для начала, такое тело, живое или мертвое, не часто

увидишь. Такими бывают туберкулезники, которые чуть ли не всю жизнь провели в санаториях. Все прочие люди, кроме них, с годами неизбежно приобретают шрамы и другие отметины, но он-то далеко не туберкулезник. Это здоровый мускулистый мужчина, который никогда не играл в футбол и хоккей, не падал с лестницы, не сломал ни единой кости. Не пользовался, так сказать, своим телом. Ты это имел в виду?

– Именно, – кивнул Джек. – Что еще скажешь?

– Ты как, Бекки? – Я посмотрел на нее через стол.

– Нормально, – сказала она, прикусив губу.

– Теперь лицо. – Я посмотрел на него еще раз – белое, абсолютно спокойное, с фарфоровыми глазами. – Я не сказал бы, что оно детское. Костяк вполне сформирован, это лицо взрослого человека, только... незавершенное, что ли. – Я не мог найти нужного слова.

– Видел когда-нибудь, как чеканят медали? – прервал меня Джек.

– Нет, а что?

– Для этого нужны два штампа. Первый, чтобы только форму придать, и второй, для тонкой отделки.

Я не понимал, к чему это он.

– Это потому, что мелкие детали на металлической пластине не отпечатываются. Сначала надо сделать черновой вариант. – Джек посмотрел на нас с Бекки – следуем ли мы за его мыслью.

– И что? – с легким нетерпением спросил я.

– На медали обычно изображается чье-то лицо. То, что мы сейчас видим, – типичный черновой вариант. Рот, нос, глаза, кожа, кости – всё как будто на месте, недостает только деталей, мелких линий, характера. Неужели не видите? Это заготовка, которой нужен финишный штамп!

Он был прав. Раньше я никогда таких лиц не видел. Не скажешь даже, что оно рыхлое – это действительно заготовка, недолицо какое-то. Жизненный опыт на нем не отпечатался, вот что.

– Кто он вообще такой?

– Не знаю. Тут под лестницей есть фанерный шкафчик со всяким хламом: тряпье в коробках, перегоревший утюг, пылесос, лампы разные. И старые книги. Я полез за одним справочником, смотрю – мертвец лежит на коробках. Перепугался до смерти, выскочил, как кот из собачьей будки, шишку себе набил. – Джек потрогал макушку. – Потом вытащил его, думал, вдруг еще жив. Когда наступает окоченение, Майлс?

– Часов через восемь-десять.

– Потрогай-ка его. – Джек торжествовал так, словно великое открытие сделал.

Я приподнял запястье мертвой руки. Она была гибкая и даже не слишком холодная.

– Никакого окоченения, так?

– Да, но в некоторых условиях... – На самом деле я не знал, что и думать.

– Можешь перевернуть его, если хочешь, но на спине и

затылке ран тоже нет. Непонятно, с чего он умер.

По закону мне не полагалось осматривать трупы. Я снова прикрыл мертвеца чехлом и сказал:

– Может, поднимемся наверх?

– Да, пойдёмте. – Джек пропустил нас вперед и потушил свет в бильярдной.

Наверху Теодора, предложив нам сесть, зажгла лампы, ушла на кухню и вернулась уже без фартука. Она села в кресло, мы с Бекки на диван, Джек устроился на качалке. Почти вся передняя стена у них в гостиной стеклянная, и за ней открывается вид на городские огни внизу. Красивая комната.

– Выпьете что-нибудь? – спросил Джек.

– Нет, спасибо, – сказал я.

Теодора и Бекки тоже не захотели.

– Мы обратились к тебе, Майлс, – продолжал Джек, – не только как к доктору, но и как к человеку, трезво оценивающему факты. Даже если они не такие, какими должны быть. Ты не из тех, кто будет доказывать, что черное – это белое, только потому, что тебе так удобнее. Мы в этом убедились на собственном опыте.

Я промолчал.

– Можешь сказать еще что-нибудь о теле внизу? – спросил Джек.

Я помолчал еще немного, теребя пуговицу, и наконец решился.

– Да, могу. В этом нет никакого смысла, но я дорого дал

бы за возможность сделать его вскрытие. Знаете, что я, как мне кажется, обнаружил бы в нем? – Я обвел взглядом всех троих – они ждали продолжения. – Я не нашел бы причины смерти. Всё у него внутри окажется в столь же идеальном состоянии, как и снаружи. Все органы в рабочем порядке, запускай хоть сейчас.

Я дал им свыкнуться с этим и добавил еще кое-что. Чувствовал я себя, как полный дурак, но в своей правоте был уверен на сто процентов.

– Это еще не всё. Думаю, в желудке у него ничего не будет. Ни крошки пищи, переваренной или нет. Пусто, как у новорожденного младенца, и в кишечнике то же самое. А почему? – Я снова обвел взглядом аудиторию. – Потому, что тот субъект внизу вообще не умирал. Оттого и причину смерти определить невозможно. Мало того: он никогда и не жил. Вот так. – Я снова сел на диван. – Довольны теперь?

– Да-а. – Джек выразительно кивнул. – В моей безумной голове зародилась та же идея – я просто хотел, чтобы кто-то меня поддержал.

– А ты, Бекки, что скажешь?

– Я в полном шоке... и, пожалуй, все-таки выпью. Бурбон с содовой, если можно.

Мы все улыбнулись. Джек привстал было, но Теодора сказала:

– Я сама. Всем то же самое?

Мы сказали, что да.

Теодора раздала нам стаканы, и Джек сказал:

– Мы с Теодорой тоже так думаем. Я ей ничего не говорил, между прочим. Показал покойника и предоставил самой судить, как и тебе, Майлс. Это она сравнила его с незаконченной медалью: мы видели в Вашингтоне, как их делают. Мы весь день толковали об этом и решили тебе позвонить.

– Никому больше не говорили?

– Нет.

– А полицию почему не вызвали?

– Сам не знаю. Вот ты вызвал бы?

– Нет.

– Почему же?

– Сам не знаю. Не хочется, – усмехнулся я.

– Вот то-то. – Джек поболтал кубики льда в стакане и медленно произнес: – По-моему, это не полицейское дело. Все мы понимаем, что это не просто труп. Тут что-то страшное... а что, непонятно. Я почему-то уверен, что мы можем сделать только одно, единственно правильное, а если ошибемся и угадаем неверно, случится нечто ужасное.

– Что же тут можно сделать? – спросил я.

– Не знаю. Меня разбирает позвонить президенту Соединенных Штатов, поднять по тревоге армию, ФБР, морпехов, кавалерию... вроде того. – Он юмористически покрутил головой и сразу же посерьезнел. – Мне надо, чтобы какой-нибудь правильный человек – все равно кто – осознал, как это важно, и поступил правильно, не совершив ни одной ошиб-

ки. Вся штука в том, что любой, кому я откроюсь, может оказаться неправильным и наломать дров. Полиция исключается сразу. – Тут Джек понял, что повторяется, и замолчал.

– У меня такое же чувство, – подтвердил я. – Как будто от наших действий зависит судьба всего мира. – Когда в медицине встречается трудный случай, ответ иногда приходит сам собой, ниоткуда – подсознание, скорее всего, срабатывает. – Джек, – спросил я, – какой у тебя рост?

– Пять-десять.

– Это точно?

– Да, а что?

– А в том внизу, по-твоему, сколько?

– Столько же.

– Теперь скажи, сколько вешишь.

– Один стоун сорок фунтов. Как и он. Это ты точно определил, но в остальном мы как-то не очень похожи.

– Есть у вас штемпельная подушечка?

– Не помню. Есть? – спросил Джек жену.

– А что это?

– Чернильная подушка. Для штампов.

– Кажется, была где-то. – Теодора принесла подушечку, Джек достал из другого ящика лист бумаги.

Я смочил подушку чернилами, прижал к ней все пять пальцев Джека и сделал на бумаге хорошие, четкие оттиски. Потом кивнул на дверь в бильярдную и спросил:

– Вы с нами, девочки?

Девочки явно не хотели туда идти, но не хотели и одни оставаться.

– Да, идем, – сказала наконец Бекки, и Теодора тоже пошла.

Джек включил свет над столом. Абажур качнулся, я хотел поправить его и сделал только хуже из-за дрожи в руках. Амплитуда его колебаний от края стола до головы мертвеца бросала тени на лоб и создавала впечатление, что труп шевелится. Не глядя на лицо незнакомца, я прижал к подушечке пальцы его правой руки, один за другим, и оттистал их на бумаге прямо под отпечатками Джека.

У Бекки вырвался стон – думаю, мы все почувствовали то же, что и она. Одно дело строить теории, что этот человек никогда не жил, и совсем другое – получить наглядное доказательство. Это затрагивает какие-то первобытные глубины в твоём мозгу. Никаких папиллярных линий на его пальцах не было: мы видели перед собой пять густо-черных кружков. Сбившись в кружок, мы рассмотрели вблизи эти пальцы, с которых я вытер чернила: гладкие, как щечка младенца.

– Джек, – пролепетала Теодора, – меня сейчас вырвет.

Он обхватил ее и повел наверх.

– Вы верно определили, – сказал я им, вернувшись в гостиную. – Это действительно заготовка, не получившая финишной обработки.

– И что теперь делать? – спросил Джек. – Есть идеи?

– Могу предложить кое-что... но если не захотите, никто

вас не упрекнет. Уж точно не я.

– Говори, мы слушаем.

Я подался вперед, упершись локтями в колени, и сказал Теодоре:

– Если сочтешь, что это тебе не по силам, лучше не надо. Вот что я предлагаю, Джек: оставьте его на столе. Ты ляжешь спать – я тебе дам снотворное, – но Теодора спать не должна. Каждый час она будет спускаться и смотреть на... на тело. Если заметишь хоть малейшую перемену, тут же беги наверх и буди Джека. Выходите оба из дома и приезжайте ко мне.

– Лучше откажись, если думаешь, что не сможешь, – сказал Джек жене.

Она потупилась, посмотрела на нас с Джеком и спросила:

– А как это может выглядеть? Перемена?

Мы промолчали, и она задала новый вопрос:

– Но Джек проснется? Я смогу его разбудить?

– Дашь пощечину, и проснется. Если станет неспособен, буди его в любом случае. Остаток ночи можете провести у меня.

Теодора снова вперила взгляд в ковер на полу и наконец сказала:

– Думаю, что выдержу, если смогу разбудить его, когда захочу.

– А почему бы нам не остаться с ними? – спросила Бекки.

– Думаю, что не стоит. Мне кажется, в доме должны остаться только те, кто здесь живет постоянно, иначе ничего

не получится. Не знаю, откуда у меня такая уверенность – просто чутье. Думаю, здесь должны остаться только Джек с Теодорой.

Джек посмотрел на Теодору и сказал:

– Ладно, попробуем.

Мы поговорили еще немного, глядя на городские огни, но всё уже было сказано. Около полуночи, когда почти все огни погасли, Белайсеки поехали с нами в город забрать машину. Высадив их на парковке, я повторил Теодоре инструкции: чуть что будить Джека и сматываться. В саквояже у меня был секонал, и я дал его Джеку, наказав принять только одну таблетку. Мы попрощались – Джек улыбнулся при этом, Теодора даже и не пыталась – и разъехались в разные стороны.

– Тут есть связь, правда, Майлс? – сказала Бекки на пути к ее дому. – Между этим... и Вилмой?

Я покосился на нее – она смотрела прямо перед собой – и бросил небрежно:

– Ты думаешь?

– Да, – просто сказала она. – Были ведь и другие случаи?

– Было несколько. – Глядя на дорогу, я поглядывал и на Бекки.

Она молчала до самого дома и только тогда сказала, все так же глядя прямо перед собой:

– Я хотела сказать тебе об этом после кино. Со вчерашнего утра у меня появилось чувство... что мой отец совсем не отец! – Выпалив это единым духом, она с ужасом посмотре-

ла на темную веранду своего дома, закрыла лицо руками и
разрыдалась.

Глава пятая

Опыт по части женских слез у меня небогатый, но в книгах пишут, что женщину надо просто обнять и дать ей выплакаться. Это мне представлялось наиболее мудрым решением: я нигде не читал, что женщину надо развлекать карточными фокусами или пятки ей щекотать. Итак, я поступил мудро, обнял Бекки и дал ей выплакаться. Если после всего виденного в подвале Белайсеков Бекки считала своего отца самозванцем, которого от папы не отличить, что я мог возразить ей? Кроме того, мне нравилось ее обнимать. Бекки не слишком крупная, но и не миниатюрная и сконструирована по высшему классу. Она прекрасно помещалась в моих объятиях здесь, в машине, на пустой ночной улице. Ее щека прижималась к моему лацкану. Я очень боялся и даже паниковал, но это не мешало мне наслаждаться.

Когда плач перешел в редкие всхлипывания, я спросил:

– Может, ко мне поедем? – Эта мысль явилась внезапно и очень взволновала меня.

– Нет. – Бекки нагнула голову и принялась рыться в сумочке. – Я не боюсь, Майлс, мне просто тревожно. – Она достала платочек, промокнула глаза. – Папа, наверно, болен... на себя не похож. Не могу я его бросить в такое время. – Она улыbnулась мне, неожиданно поцеловала в губы и тут же вышла. – Спокойной ночи, Майлс, позвони мне утром.

Я смотрел, как она идет по кирпичной дорожке к темному дому. Вот она поднялась на крыльцо, вот открылась и снова закрылась входная дверь. Я сидел и крутил головой, вспоминая, что о ней думал в начале вечера. Вот тебе и добрый приятель в юбке. Подержи красивую женщину в объятиях, дай ей поплакать, и пожалуйста: ты уже рвешься ее защищать и таешь от нежности. Потом к нежным чувствам примешивается секс, и начинается то самое, чего я на какое-то время надеялся избежать. Нет уж, сказал я себе, заводя машину. Буду держать ухо востро. Не хватало еще впутаться во что-то серьезное так скоро после крушения брака. В конце квартала я оглянулся на белый дом Бекки, понял, что могу без особых усилий не думать о ней, хотя она мне очень нравится, и стал думать о Белейсеках там, на холме.

Джек наверняка уже спит, а Теодора смотрит из окна гостиной на город. Может, в этот самый момент она видит фары моей машины, не зная, что это я. Я воображал, как она пьет кофе, перебарывая ужас перед тем, что лежит в миллиардной. Как набирается смелости спуститься туда, нашаривает впотьмах выключатель, смотрит на белую фигуру на зеленом сукне...

Когда часа два спустя зазвонил телефон, лампа у моей кровати еще горела. Я читал, не думая, что усну, но уснул почти сразу. Взяв трубку, я машинально посмотрел на часы: было три.

– Алло, – сказал я. На другом конце повесили трубку, хотя

я ответил с первого же звонка. Я всегда отвечаю на звонки сразу, каким бы усталым ни был. – Алло! – повторил я и даже потряс аппарат, но трубка молчала. Во времена моего отца ночная телефонистка – он их всех по именам знал – сказала бы ему, кто звонил. В такой час это был бы единственный огонек на ее коммутаторе, и она запомнила бы, кто вызывает доктора. Теперь у нас на всех телефонах диски, экономящие целую секунду при каждом наборе, сверхчеловечески точные и совершенно безмозглые. Диск не подскажет, где найти доктора ночью, когда тот срочно требуется больному ребенку. Иногда мне кажется, что мы вылушили из жизни всё человеческое.

Я сидел на краю кровати и тихо ругался. Меня достало всё в целом: ночные звонки, таинственные события, недосып, женщины, не желающие оставить меня в покое, собственные мысли. Может, встать, раз такое дело? Нет уж. Я погасил свет, улегся снова и стал уже засыпать, когда на крыльце послышались чьи-то шаги, а за этим последовал звонок в дверь и отчаянный стук в стекло.

Это были Белайсеки: белая, онемевшая от ужаса Теодора и смертельно спокойный Джек. Перекинувшись с ним всего несколькими словами, мы подняли Теодору по лестнице, уложили в гостевой комнате, и я ввел ей амобарбитал внутривенно.

Джек сидел с ней минут двадцать, держа ее руку в своих. Я, как был в пижаме, пристроился тут же в кресле. Ко-

гда Джек наконец взглянул на меня, я сказал бодрым докторским голосом:

– Она теперь проспит часов до восьми-девяти, проснется голодная, и всё с ней будет в порядке.

Джек кивнул, и мы вышли.

Стены у меня в гостиной белые, на полу простой серый ковер от стены до стены. Обставлена она плетеной голубой мебелью, купленной когда-то родителями. Здесь, на мой взгляд, сохранилась простая мирная аура прежних времен. Мы с Джеком отпили каждый из своего стакана, и он заговорил, глядя в пол:

– Среди ночи Теодора стала трясти меня за грудки – я лег не раздеваясь – и закатила мне такую пощечину, что зубы задрезжали. Она... – Джек всегда старается подбирать слова поточнее, – она не то что звала меня, просто повторяла со стоном: Джек, Джек... – Он выпил еще и продолжил: – Прихожу в себя и вижу – она в полной истерике. Кинулась к телефону, набрала твой номер, швырнула трубку и стала требовать – тихо, как будто кто-то мог ее слышать, – чтобы я поскорее ее увез. – Джек дернул щекой и стал рассказывать дальше. – Я, не подумав, повел ее вниз, в гараж, а она упирается – чуть лицо мне не расцарапала. В итоге мы вышли через парадную дверь, но она к гаражу и близко не подошла, ждала меня на дороге. – Он посмотрел в черное ночное окно. – Не знаю, что она такое увидела, но догадаться могу, как и ты. Сам я смотреть не пошел – знал, что надо быстро

уносить ноги. За всю дорогу она не сказала ни слова, только тряслась, прижималась ко мне – я ее обнимал за плечи – и бормотала: Джек, Джек. Мы получили свое доказательство, Майлс: эксперимент удался. И что теперь?

Я не знал, что. Даже не притворялся, что знаю. Сказал только, что хотел бы взглянуть.

– Я тоже, но Теодору я одну не оставляю. Она с ума сойдет, если проснется одна в пустом доме.

У меня в уме сложился целый сценарий – с вами, думаю, это тоже случается. Как я еду к Джеку один, как выхожу из машины. Вслушиваюсь в тишину, иду в гараж, ищу в темноте выключатель. Захожу в бильярдную, добираюсь ощупью до стола в надежде, что коснусь сначала дерева, а не холодной неживой кожи. Натыкаюсь на стол, дергаю за цепочку, лампа над ним зажигается, и я смотрю на то, что вогнало Теодору в истерический шок.

На этом месте мне стало стыдно. Я не хотел делать то, на что уговорил Теодору, не хотел ехать туда ночью один. И злился на себя за то, что подыскиваю предлоги не ехать. Свой гнев и стыд я излил на Джека.

– Начинать надо прямо сейчас! – заорал я. – Может, у тебя есть какие-то мысли? – Я сам был в легкой истерике и сознавал это.

– Надо действовать осторожно... увериться, что мы поступаем правильно.

– Ты уже говорил это вечером. Я согласен, но нельзя же

просто сидеть и ждать, когда придет верное решение! – Тут я заставил себя успокоиться, подмигнул Джеку, показывая, что перестал психовать, и набрал телефонный номер (в гостиной тоже есть аппарат).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.